

Глава первая

Кишот, Мужчина в годах, познает Любовь,
отправляется в Странствие и становится Отцом

Жил когда-то в Америке, не имея постоянного адреса, торговый агент родом из Индии, чьи годы стремительно уходили, унося с собой способность трезво мыслить, а непомерная любовь к бессмысленным телепередачам привела к тому, что в желтых от электрического освещения номерах дешевых мотелей он слишком много смотрел телевизор, от чего с ним случился редкий психический недуг. Он поглощал утренние программы, дневные передачи и шоу после полуночи, смотрел ток-шоу, мыльные оперы, комедии, реалити-шоу, второсортные сериалы для подростков, сериалы о врачах, полицейских, вампирах и зомби, истории из жизни домохозяек из Атланты, Нью-Джерси, Беверли-Хиллс и Нью-Йорка. Он следил за развитием любовных отношений, примирениями и ссорами между гостиничными принцессами и самопровозглашенными принцами, за людьми, прославившимися благодаря тому, что в нужный момент они оказались голыми, за сиюминутной славой юнцов, получивших известность в социальных сетях после пластических операций, сделавших их обладателями третьей груди либо — благодаря удалению ребер — фигуры, точь-в-точь повторяющей недостижимые

для человека формы куклы Барби производства фирмы “Маттел”, а также за облаченными в малюсенькие трусики-бикини девушками, чей путь к славе был намного проще, ведь им посчастливилось выловить гигантского карпа в живописной местности. Смотрел он также конкурсы певцов и кулинаров, бизнес-дельцов и бизнес-наставников, мастеров управлять игрушечными машинками-монстрами и модельеров, шоу одиноких сердец для холостяков и незамужних девушек, бейсбольные матчи, баскетбольные матчи, футбол, рестлинг, кик-боксинг, экстремальный спорт и — непременно! — конкурсы красоты. (Он никогда не смотрел “хоккей”. Для человека его этнического происхождения, чья юность прошла в тропиках, хоккей — к тому же известный в США как “хоккей на траве” — был игрой, в которую играют на поле. А потому он считал, что играть в хоккей на льду — все равно, что кататься на коньках по лужайке.)

В результате такого непрерывного поглощения телевизионной продукции, которая прежде была ему доступна лишь благодаря складывавшемуся в изображение потоку электронов на экранах телевизоров с лучевыми трубками, а в новые времена — на плоских жидкокристаллических и плазменных мониторах, или дисплеях на органических светодиодах, он сделался жертвой все чаще поражающего нас психического недуга, из-за которого в сознании людей стирается грань между правдой и вымыслом. Случалось, что он вовсе не мог отличить реальность от “реальности” и считал себя настоящим жителем (вернее, невидимым обитателем) воображаемого мира по ту сторону экрана, что был столь мил его сердцу и — как он искренне верил — служил для него, а также для всего человечества, моральным, общественным и практическим руководством, как следует жить на свете. Время шло, и он увязал в этих зыбучих песках нереальной реальности все глубже, по праву считая себя ее частью, вступая во все более тесные отношения с обитателями этого красочного мира, словно со-

временная Дороти, всерьез раздумывающая, не перебраться ли ей в страну Оз навсегда. Так продолжалось, пока в какой-то момент все это не переросло в нездоровое (а каким еще может быть влечение, обреченное остаться без ответа) чувство, направленное на одну конкретную обительницу телевизионного мира — прекрасную, дерзкую и обожаемую публикой мисс Салму Р., — в слепую страсть, которую он сам, довольно опрометчиво, принял за настоящую любовь. Любовь, во имя которой он поклялся, презрев любые опасности, отыскать путь в тот лучший из миров, в котором, среди себе подобных, в высоком разрешении обитает его “возлюбленная”, чтобы рыцарскими подвигами и душевным благородством навсегда завоевать ее сердце.

Этот человек медленно разговаривал и медленно двигался, немного приволакивая при ходьбе правую ногу вследствие произошедшего много лет назад Внутреннего События. Случившееся тогда повредило и его память: до мелочей помня события глубокой давности, он лишь обрывочно мог припомнить, что происходило с ним в среднем возрасте. Его воспоминания об этом периоде жизни были как груда кирпичей, наспех накиданная нерадивым строителем, желающим создать видимость ровной стены, тут и там зияющая дырами и пробелами. Эти лакуны в памяти он заполнял фальшивыми воспоминаниями, которые черпал из увиденного по телевизору. В целом же, несмотря на все недостатки, для своих лет он пребывал в весьма хорошей форме. Это был высокий человек с несколько, пожалуй, вытянутой фигурой, как на картинах Эль Греко или в скульптурах Альберто Джакометти. Как правило, люди с подобной внешностью оказываются склонны к меланхолии; ему же, напротив, посчастливилось обладать неоценимыми для торгового агента достоинствами: располагающей улыбкой и старомодными манерами джентльмена. В свои лучшие годы, довольно долго, он как раз работал торговым представителем. Успеху на этом поприще

способствовала и подходящая фамилия — Смайл. “Мистер Исмаил Смайл, менеджер по продажам, фармацевтическая компания «Смайл», Атланта, штат Джорджия” — гласила его визитная карточка. Он очень гордился, что носит ту же фамилию, которая фигурирует в названии корпорации, где он работает. Традиционное для семьи имя. Название семейства товаров. Это непременно должно давать определенные преимущества — по крайней мере, он в это верил. Однако теперь, когда наступила пора его последнего, самого невероятного приключения, он решил выбрать для себя другое имя.

(Необычная фамилия *Смайл*, кстати говоря, представляет собой американизированную форму фамилии *Исмаил*, так что на самом деле престарелый торговый представитель мог зваться мистер Исмаил Исмаил или, если угодно, мистер Смайл Смайл. Темнокожий американец, воздевающий темнокожую американку. Впрочем, сам он никогда не считал, что все, что с ним происходит, как-то связано с его расой. Он сделался человеком, не зависящим от цвета собственной кожи, если так, конечно, можно сказать. Таковым сделал его избранный им путь. Путь, следуя по которому ему суждено подвергнуть сомнению и в корне поменять еще очень многое в своей жизни.)

Чем больше он думал о женщине, любви к которой он поклялся посвятить себя до гробовой доски, тем яснее осознавал, что столь влиятельная особа едва ли рухнет в обморок от счастья, услышав от совершенно незнакомого человека, что он испытывает к ней *amour fou*, безумную любовь. (Он был безумен, но не настолько.) А значит, ему следует продемонстрировать всем и каждому, что он достоин ее, и с этого момента главным делом его жизни станет сбор подобных доказательств. Именно так! Он докажет, что достоин ее! Сейчас, когда он начал свое странствие-квест, ему важно постоянно информировать о своих деяниях объект обожания, а потому ему следует вступить с ней в переписку, одно за другим по-

сылать письма, в которых он сможет излить перед ней свою душу, раскрыть всю силу своей любви и неколебимую решимость, с какой он будет завоевывать ее руку и сердце. В этот момент его одолели сомнения. Если он раскроет перед ней всю ничтожность своего настоящего положения, она, возможно, с милым смешком отправит его письмо в мусорную корзину, после чего для нее с ним будет навсегда покончено? Если сообщит в письмах свой возраст или опишет детали внешности, она, быть может, отшатнется от него, испытав одновременно ужас и веселье? Если напишет свою, явно указывающую на благородное происхождение фамилию Смайл, к тому же связанную с большими деньгами, возможно, прочитав его письмо в дурном настроении, она сообщит его имя властям, которые станут гоняться за ним, как за собакой; если предмет его обожания поступит с ним так, это разобьет ему сердце, и он умрет. Поэтому он решил до поры до времени хранить свою подлинную личность в секрете и открыться лишь после того, как его письма и описанные в них поступки смягчат ее сердце и она будет готова благосклонно принять его ухаживания. Но как он поймет, что настал подходящий момент? Этот вопрос он пока оставил без ответа. Прямо сейчас он должен начать нечто важное. И вот однажды ему пришло подходящее для использования в письмах имя, самая верная идентичность, оно явилось ему на границе сна и яви, когда он размышлял, как бы изменилась наша жизнь, если бы волшебные миры, что мы видим за завесой сомкнутых ресниц, смогли проникнуть в реальность и стать ее частью.

В то утро ему снилось, будто он сам будит себя ото сна:

— Взгляни на себя! — взывал снящийся он к себе полусонному. — Такой высокий, такой тощий, уже совсем древний, а бороду смог отрастить клочковатую, как у прыщавого подростка. К тому же, надо признать, немного не в себе, из тех, кто вечно где-то в облаках витает, таким что кучевые, что перистые, что и вовсе грозовые — все одно милее твердой земли.

Вспомни хотя бы, какая музыка тебе больше всего нравилась, когда ты был ребенком! Теперь-то ты, я знаю, предпочитаешь трели участников “Голоса” или “Американского идола”. А ведь когда-то любил то, что слушал твой наделенный художественным вкусом отец, по части музыки ты разделял его предпочтения. Помнишь его любимую запись?

Не успела по мановению руки снящегося Смайла появиться виниловая пластинка, как полусонный Смайл тотчас узнал ее. Это был “Дон Кихот”, опера Жюль Массне.

— Весьма отдаленно соотносится с шедевром Сервантеса, ты согласен? — задумчиво изрек фантом. — Как и ты весьма отдаленно напоминаешь себя самого.

Все было решено. Он выбрался из кровати в своей полосатой пижаме — гораздо проворнее, чем обычно, — и захлопал в ладоши. Да! Вот псевдоним, которым он станет пользоваться в своих любовных письмах. Он станет для нее непревзойденным джентльменом, Кишотом. Он будет ее Ланселотом, а она его Гвиневрой, он унесет ее в Радостный Гард. Он будет для нее, как выразился Чосер в “Кентерберийских рассказах”, *verray, parfit, gentil* — истинным, совершенным, благородным рыцарем.

Мы живем в Эпоху, Когда Возможно Все, напомнил он себе. Он много раз слышал, как люди говорили это по телевизору и в видеосюжетах, плавающих в киберпространстве, что придавало его одержимости свежий, высокотехнологичный оттенок. Больше не существует правил. В Эпоху, Когда Возможно Все, возможно все. Те, кого ты считал друзьями, могут оказаться врагами, а бывшие враги — самыми близкими тебе людьми, даже любовниками. Теперь нельзя что-либо предсказать — ни погоду, ни вероятность войны, ни исход выборов. Женщина может влюбиться в домашнюю свинку, а мужчина жить с совой. Спящая красавица, пробужденная поцелуем, может начать говорить на незнакомом языке и проявлять совершенно иной характер. Наводнение может стереть ваш

город с лица земли. Ураган может подхватить ваш домик и унести в далекую страну, приземлясь в которой он раздавит злую волшебницу. Преступники могут становиться королями, а короли оказываться преступниками. Человек может обнаружить, что женщина, с которой он живет, — незаконнорожденная дочь его отца. Целая нация может сигануть с утеса, словно стая леммингов. Актеры, исполнявшие на телевидении роли президентов, могут стать президентами. Может закончиться вода. Женщина может родить ребенка, которого еще до рождения будут считать богом. Слова могут утрачивать свои прежние значения и приобретать новые. Может случиться конец света — по крайней мере, один крупный воротила от науки настойчиво пророчит это. Дурной запах — предвестник конца. Вот и телезвезда может чудесным образом ответить взаимностью старому простофиле, и эта невероятная романтическая победа станет искуплением всей его долгой и ничтожной жизни, она озарит его последние дни светом подлинного величия.

Кишот пришел к своему великому решению в гостинице “Под красной крышей” (Гэллап, штат Нью-Мексико, население 21 678 чел.). Торговый агент с желанием и завистью смотрел на историческое здание гостиницы “Эль Ранчо”, в которой в эпоху популярности вестернов останавливались приехавшие на съемки кинозвезды, начиная с Джона Уэйна и Хамфри Богарта и заканчивая Кэтрин Хепберн и Мэй Уэст. “Эль Ранчо” была ему не по карману, и он проехал дальше, к более скромной “Под красной крышей”, которая полностью вписывалась в его бюджет. Он был человеком, безропотно принимающим то, что отмеряла ему жизнь. В то утро, когда он проснулся в гостиничном номере новым удивительным человеком, телевизор, который он вчера забыл выключить, вовсю работал. На экране Стив Стакер, ведущий прогноза погоды на канале КОВ-4, представлял в программе “Парад питомцев” своих любимцев, очевидно, также звезд прогноза погоды, псов Ра-

дара, Реза, Скивики и Таффи. Значит, была пятница, и свеженареченный мистер Кишот (для себя он сразу решил, что не имеет ни малейших оснований претендовать на аристократическое “Дон”) был полон сил — словно перед ним чудесным образом появилась усыпанная цветами дорога, которая должна привести его прямо к возлюбленной, — несмотря на усталость после рабочей недели, которую он провел, объезжая практикующих врачей в Альбукерке и окрестностях. За вчерашний день он успел побывать в трех компаниях, *Rehoboth McKinley Christian Health Care Services*, *Western New Mexico Medical Group* и *Gallup Indian Medical Center* (последняя специализировалась на медицинском обслуживании представителей коренного населения здешних мест, индейцев племен хопи, навахо и зуни). Продажи шли хорошо — так он считал, несмотря на сдавленные смешки и неодобрительные мины, с которыми люди встречали его осторожные откровения по поводу предстоящего отпуска, который он проведет в самом Нью-Йорке (население 8623000 чел.) со своей новой девушкой, Очень Известной Особой, настоящей королевой высокорейтингового телевидения. К тому же он оконфузился в медицинском центре для индейцев:

— Я ведь индиец, то есть практически индеец! Точка на лбу — вот и все различия! Я счастлив быть здесь, в индейско-индийской стране! — Эту его остроту никто не оценил.

У него уже давно не было постоянного пристанища. Его домом была дорога, гостиной — салон машины, гардеробной — чемодан; всевозможные “Под красной крышей”, “Шесть дней в неделю”, “Жилье посуточно” и другие гостиничные заведения предоставляли ему постель и телевизор. Он предпочитал те, где предлагали хотя бы несколько платных кабельных каналов, но, за неимением лучшего, мог довольствоваться и базовым пакетом программ. Однако тем утром у него не было времени для местной звезды прогноза погоды и его собачек из приюта. Он хотел поговорить с кем-нибудь из дру-

зей о своей любви, рассказать о странствии, в которое готов пуститься ради нее.

По правде говоря, друзей у него не осталось. Был богатый двоюродный брат, работодатель и покровитель доктор Р.К. Смайл, его жена со счастливым именем Хэппи, хотя с ними обоими он виделся довольно редко, да еще портье из нескольких отелей, в которых он особенно часто останавливался. Еще несколько людей внутри страны и по всему миру могли испытывать к нему теплые, возможно дружеские, чувства. Кроме того, была одна женщина в Нью-Йорке (она называла себя Женщиной-Трамплином), которая могла снова начать ему улыбаться, если ему повезет и она примет его извинения. (Он знал — или полагал, что знает, — что непременно должен перед ней извиниться, хотя до конца не помнил за что, и порой ему казалось, что его пострадавшая память играет с ним злую шутку и извиниться перед ним должна она.) У него не было ни социальных связей, ни группы единомышленников, ни школьных товарищей, ни просто нормальных мужиков; он давно отошел от суетной жизни в обществе. Среди тех, кого он пригласил сам или чье приглашение в друзья принял на своей странице в фейсбуке, помимо немногочисленных коллег торговых представителей были лишь всякого рода искатели приключений, самовлюбленные фанфароны, эксгибиционисты и разбитные дамы, чей эротический пыл сдерживали лишь общепринятые пуританские правила. Эти “друзья” по репостам узнали о его плане, когда он опубликовал его на своей странице, и сразу поняли, что это глупая, практически безумная затея, они начали уговаривать его — ради его же блага — не преследовать мисс Салму Р. и не домогаться ее. В ответ на свой пост он получил рожицы насупленных эмодзи, неодобрительно опущенные вниз большие пальцы и гифки с изображением мисс Салмы Р., где она закатывала глаза, показывала ему язык и крутила пальцем у правого виска, что на универсальном

языке жестов означает, что она считает его совсем “ку-ку”. Увы, это его не остановило.

Подобные истории, как известно, ничем хорошим закончиться не могут.

В годы своей юности — оставшейся в таком далеком прошлом, что воспоминания о ней были довольно яркие, — он был настоящим странником, истинным пилигримом, не чета бродяге-торговцу, которым стал теперь, и исколесил весь свет вдоль и поперек, желая увидеть все, что можно увидеть от мыса Горн и Огненной Земли, края земли, где кажется, что мир исчерпал все свои краски, и всё вокруг, люди и предметы, видится черно-белым, до пустынного Восточного Ирана, от кишашего тараканами Бама до приграничного Закедана, сбросившего власть шаха, от залива Шарк в Австралии, где он плавал среди чувствительных ко всему дельфинов, до живописнейшего африканского региона Серенгети, где наблюдал большую миграцию антилопы гну. Он праздновал Холи на Маврикии с говорящими на бходжпури потомками рабочих-переселенцев из Индии, а Бакр-Ид — в Кашмире с кормящимися за счет изготовления кашмирских шалей обитателями высокогорной деревушки Ару на леднике Колахои... Как бы там ни было, Внутреннее Событие, произошедшее с ним, едва он вступил в средний возраст, изменило все раз и навсегда. Придя в себя после случившегося, он почувствовал, что навсегда утратил свои амбиции и любопытство, что большие города давят на него и он жаждет забвения и одиночества.

К тому же он стал страшно бояться авиаперелетов. Он запомнил сон, в котором он сначала падает, а потом тонет, и пришел к убеждению, что сама идея передвижения по воздуху — самая глупая и вредная затея, предложенная сильными мира сего простым смертным вроде него самого. То, что самолет взлетел и его пассажиры благополучно прибыли

в пункт своего назначения, — вопрос удачи. Это ничего не доказывает. Он не намерен лишиться жизни, рухнув (как в своем сне) с небес в воду либо (что, видимо, еще менее приятно) на землю, а потому, раз уж божество здоровья было милостиво к нему и даровало определенное выздоровление, он твердо решил, что больше никогда не поднимется на борт ни одного монстроподобного перевозочного контейнера, способного поднять его на тридцать тысяч футов от земли, а то и выше. Он выздоровел, хоть и слегка хромотал, и с тех пор передвигался исключительно наземным транспортом. Временами ему хотелось совершить какое-то морское путешествие — скажем, вдоль американского побережья в Бразилию или Аргентину, либо через Атлантический океан в Европу, но до организации путешествия дело так и не дошло, к тому же его слабеющее здоровье и стремительно тающий банковский счет не оставляли возможности для осуществления подобного предприятия. Итак, он стал истинным сыном дороги, и навсегда им останется.

Он возил с собой старенький рюкзак, в котором хранил, тщательно обернув бумагой и целлофаном, маленькие сувениры из прошлых поездок: сомнительный образец “найденного искусства” из Китая — отполированный камень с рисунком, отдаленно напоминающим лесистый горный пейзаж; слепок человеческой головы в духе гандхарской буддийской скульптуры; раскрытую в умиротворяющем жесте деревянную руку из Камбоджи с символом мира на ладони; пару кристаллов — поменьше и побольше, — имеющих правильную форму звезды; викторианский медальон, внутрь которого он поместил фотографии родителей; три другие фотографии тропического города времен его детства; изготовленную в эдвардианскую эпоху английскую машинку для обрезания сигар в виде дракона с отточенными зубами; коробок индийских спичек формы “Чита” с изображением крадущегося гепарда; маленькую мраморную фигурку удода, а также китай-

ский веер. Эти тринадцать предметов имели для него особое значение. Заходя в снятый на одну ночь гостиничный номер, он тратил около двадцати минут на то, чтобы их расставить. Они должны были располагаться в точном порядке, занимать друг относительно друга определенное положение, и стоило ему удачно их расставить, он немедленно чувствовал себя дома. Он знал, что, если эти священные для него предметы не займут каждый свое место, его жизнь утратит равновесие, он ударится в панику, провалится в депрессию и в конце концов умрет. Сама его жизнь была заключена в этих предметах. Пока они у него, его путь лишен опасностей. Эти вещи были его прибежищем.

Ему повезло, что Внутреннее Событие не превратило его в полного идиота вроде постоянно спотыкавшегося повредившегося головой парня, которого он встретил однажды в парке, не способного ни на что сложнее уборки опавших листьев. Он же много лет проработал торговым представителем фармацевтической компании и продолжал это делать, несмотря на постпенсионный возраст и все менее стабильное и более неустойчивое, непредсказуемо капризное и упрямо одержимое состояние психики, но благодаря доброте все того же двоюродного брата-богатея, Р. К. Смайла, доктора медицины и успешного предпринимателя, который, посмотрев по телевизору постановку по пьесе Артура Миллера “Смерть коммивояжера”, боялся, что увольнение может приблизить безвременную кончину престарелого родственника*.

* Нельзя не отметить, что, как мы уже очень скоро убедимся, доктор Смайл при этом был по-настоящему добрым человеком. (Прим. автора)